

Михаил Волконский

Два мага

Михаил Николаевич Волконский

Два мага

Аннотация

«В роскошном доме на Острове у екатерининского вельможи, богатого барина Елагина, шли приготовления к парадному обеду. Стол готовили в саду, вблизи круглой беседки, обсаженной деревьями и розами и украшенной статуями. Беседка с ее живыми стенами должна была заменить гостиную.

День стоял солнечный. Погода как нельзя лучше благоприятствовала готовившемуся празднику...»

Содержание

Граф Феникс	4
Объяснение	14
Кутра-Рари	31
В поисках медальона	36
На свете нет тайны	49
Опять Кутра-Рари	57
Правдивое видение	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Михаил Волконский

Два мага

Граф Феникс

В роскошном доме на Острове у екатерининского вельможи, богатого барина Елагина, шли приготовления к парадному обеду. Стол готовили в саду, вблизи круглой беседки, обсаженной деревьями и розами и украшенной статуями. Беседка с ее живыми стенами должна была заменить гостиную.

День стоял солнечный. Погода как нельзя лучше благоприятствовала готовившемуся празднику.

Лакеи елагинской дворни в желтых ливреях с синей выпушкой и позументами суетились вокруг длинного, покрытого белой шелковой скатертью стола, уставляя его посудой, серебром, хрусталем, вазами с редкими фруктами и цветами. Лужайка под столом была устлана коврами. Среди розовых кустов было устроено возвышение, где размещались певчие и роговые музыканты.

Гости подъезжали к парадному крыльцу дома, и хозяин встречал их в комнатах, откуда они должны были под звуки музыки проследовать попарно в полонезе в сад, к столу.

Среди карет, заполнивших уже широкую площадку перед крыльцом, обращала на себя внимание одна, совсем непо-

хожая на другие. Она была вся белая, с белой же штофной обивкой внутри, и запряжена четверкой белых без отметин лошадей цугом. Лакеи и кучер при ней были одеты тоже в белые суконные кафтаны и шляпы со страусовыми перьями, каким мог позавидовать любой щеголь. На петлицах кафтанов слуг и на белой лакированной упряжи блестели золотые графские короны, а на дверцах кареты был нарисован под такой же короной герб, носивший в щите своем изображение замысловатой птицы.

Карета принадлежала графу Фениксу, иностранцу, приехавшему недавно в Петербург и заставившему уже говорить о себе.

Никто не знал хорошо, кто был этот до некоторой степени таинственный граф и к какой собственно национальности принадлежал он. Говорил он одинаково хорошо, без акцента, на немецком, французском и итальянском языках. Порусски он тоже мог изъясняться, хотя довольно плохо.

Пока заинтересовал он общество, во-первых, поразительной роскошью, с которой сразу повел свою жизнь в Петербурге, а во-вторых, оригинальностью своих привычек и обстановки.

Занял он дом за городом, на берегу реки Фонтанной, дом, принадлежавший князьям Туровским и стоявший долгое время с заколоченными ставнями и запертыми дверьми. Этот дом был отделан заново для графа Феникса, и притом не совсем по-обыкновенному.

Сразу поражала огромная передняя, куда вела широкая входная лестница. Последняя была затянута черным сукном, стены передней – тоже. По черному сукну на стенах были сделаны серебряные изображения скелетов и черепов. Входная дверь постоянно оставалась незапертой, и входивший большей частью не находил вовсе слуг ни на лестнице, ни в передней, ни дальше в комнатах. В одной из них встречал его сам хозяин и приветливо приглашал садиться.

Граф Феникс, однако, любезно приглашал каждого, вошедшего к нему, совершенно не обращая внимания на его общественное положение и на то, бывал ли знаком с ним или нет. Ночью двери не запирались так же, как и днем, и единственными сторожами дома были черепа и скелеты на стенах передней. Всю ночь окна по фасаду были освещены, и свет их потухал лишь с зарею, загашенный невидимой рукой.

Все, начиная с этого дома, обстановки, упряжи и кончая самой ничтожной вещью, было у графа богато и совсем особенно.

К Елагину он приехал в черном бархатном одеянии, с огромными бриллиантами в кружевном жабо и на пряжках башмаков. Эти бриллианты составляли единственную роскошь его костюма, но зато ценою их можно было оплатить все расшитые золотом и шелками кафтаны остальных гостей.

Граф Феникс держался несколько в стороне и делал вид, что не замечает того любопытства, с которым кругом гляде-

ли на него. Среди гостей, глядевших с любопытством на графа, был один молодой офицер, не спускавший с него глаз с той самой минуты, как он приехал. Этот офицер, сначала робко, потом несколько смелее приближался к графу и, наконец, очутившись возле него, решился заговорить:

– Граф, – сказал он по-французски, понижая голос до шепота, – мне сказали, что вы все можете?

Граф Феникс оглянулся и обратился к молодому человеку с улыбкой, которая сразу, по-видимому, произвела ободряющее действие на офицера.

– Позвольте представиться вам, – заговорил он тверже, – офицер русской гвардии...

– Ваша фамилия Кулугин? Не так ли? – спросил, перебивая, граф все с той же улыбкой.

– Вам известно мое имя, граф?

– В этом нет ничего сверхъестественного, – ответил Феникс, – ведь вам же известно мое... И потом, вы сами говорите, что я могу все...

– Да, меня уверяли так, и теперь я вижу, что не лгали, уверяя. В том, что я знаю ваше имя, нет ничего мудреного: оно на языке у всех с тех пор, как вы приехали в Петербург, но мое слишком мало известно... Если вы можете, помогите мне, граф...

– В чем я должен помочь вам?

– Я знаю, что вы не похожи на других, что вы человек совсем особенный, и потому решился прямо обратиться к

вам. Дело идет о моей жизни...

– Значит, о любви. Вашим годам свойственно любовь смешивать с жизнью. Вы влюблены, молодой человек?

Кулугин опустил глаза и ничего не ответил, только краска покрыла его щеки.

– Кто же она? – продолжал граф. – Разумеется, она прелестна, но обладает сердцем настолько черствым, что предпочитает другого?

Кулугин глянул в лицо Фениксу.

– Вы и это знаете?

– История слишком старая и слишком часто повторяющаяся, чтобы не знать ее. Что же вы думаете, что я торгую любовным эликсиром и дам вам чудодейственные капли, которые заставляют равнодушные превращаться в любовь?

– Я ничего не думаю, – упавшим голосом проговорил Кулугин, – я знаю только, что я в отчаянии. В ту минуту, когда мы разговариваем с вами, они теперь здесь, в саду. И вы можете себе представить, что испытываю я?

– Кто же она такая?

– Воспитанница здешнего хозяина...

– Воспитанница Елагина? – переспросил Феникс, вдруг делаясь серьезным. – В таком случае проведите меня в сад...

– Вы хотите идти в сад, граф?

– Ну да! Разве кто-нибудь нам может помешать погулять по саду, вместо того чтобы стоять здесь, в духоте? Угодно вам пройти со мной? – и, сказав это нарочно громко, чтобы

слышали окружающие, граф Феникс направился к стеклянной двери, выходявшей на садовую террасу.

Кулугин с сильно бьющимся сердцем последовал за ним.

– Что вы хотите сделать? – стал спрашивать он графа, нагнав его в саду.

– Решительно ничего особенного. Хочу только увидеть и услышать. Вы наверное знаете, что она в саду?

– Наверное. Я слышал, как Елагин послал ее напомнить музыкантам, чтобы они не прозевали знака, когда начинать им играть. Она вышла, и вслед за нею вышел он, мой соперник. Я следил за ним глазами и удивился его смелости. Кроме меня, и другие могли заметить. Это компрометирует девушку.

– А вы знаете, где расположены музыканты в саду?

– Очевидно, на эстраде, возле стола; так всегда бывает здесь. Стол накрывают у большой беседки.

– А, там есть беседка! Ведите меня к ней, чтобы мы очутились как-нибудь сзади, если можно – закрытые зеленью...

– Граф, нас могут заметить!

– Что ж из того? Если заметят, то увидят только, что мы гуляем по саду.

– И вы не боитесь, что ваше отсутствие покажется странным в то время, как все ждут приезда светлейшего?

На праздник Елагина должен был явиться светлейший князь Потемкин, и его приезда ждали все.

– Пусть мое отсутствие покажется странным! Разве я бо-

уюсь этого? – ответил граф Феникс.

– Вы не хотите видеть светлейшего?

– Напротив! Я приехал только ради того, чтобы его увидеть. Мне нужно познакомиться с ним, и чем скорее, тем лучше. И я увижусь и познакомлюсь... А пока ведите меня к беседке.

Кулугин не разговаривал долго и повел графа окольной дорожкой. Они неслышно подошли к густому кусту акации, росшей позади беседки. Она была сквозная, сколоченная из дранок, окрашенных в зеленый цвет. Граф Феникс выбрал удобное место, откуда сквозь ветви акации было отлично видно, и остановился.

В беседке стояла молодая, хорошенькая Надя, воспитанница Елагина, в пышном белом платье и с высокой прической, делавшей ее личико особенно миловидным. Молодой человек в блестящей форме адъютанта держал ее руку.

– Надя, милая, хорошая, я боюсь за вас, – говорил он, – сам не знаю почему, но боюсь... Предчувствие говорит мне...

– Отчего же боитесь, Николай Семенович? Почему вам надо бояться за меня? – переспросила она, глядя на него такими светлыми глазами, что, казалось, она ждала не только для себя, но и для всего мира одного лишь хорошего в будущем.

– С сегодняшнего дня начинается для вас новая жизнь... та жизнь, которой вы еще не знали...

– Но ведь она не разлучит нас?

– Кто знает? До сих пор вы были на положении подростка, вы еще не видели людей или очень мало видели их. Сегодня вы появляетесь в первый раз в обществе, а затем станете полноправной участницей балов, пикников, спектаклей.

– Но ведь это весело! – сказала Надя.

– Конечно, даже слишком весело; и этого-то я и боюсь...

– Давно ли? Вы прежде никогда не боялись веселья!

– Да, пока я был уверен, что оно не отвлечет вас от меня.

Веселье, которое вы знали до сих пор, не могло повредить вам, но теперь... вы можете забыть меня...

Надя звонко, весело рассмеялась.

– Так вот вы чего боитесь! Нет, такая боязнь напрасна, совершенно напрасна, я не забуду вас. Чем больше людей увижу, тем вы больше выиграете от сравнения с ними. Я знаю это. Николай Семенович, голубчик, ведь вы же веселились и видели всех этих людей, которых я увижу, однако не забыли меня.

– Я – другое дело.

– Нет, то же самое. Когда я увидела сегодня в первый раз настоящие наряды дам и девиц, у меня так и сжалось сердце. Они поразили меня своим великолепием, и я невольно подумала: насколько они лучше меня! Я должна показаться между ними жалкой, по крайней мере, я чувствую себя жалкой между ними. До сих пор вы видели меня одну, а теперь в сравнении с остальными я вам могу показаться хуже. Вы

можете подумать, что ошиблись...

– Надя, не говорите так и не думайте! Да разве существует на свете кто-нибудь лучше вас?

– Ну, а для меня никого не может быть лучше вас, Николай Семенович!

– Надя, милая! – повторил он ей в ответ, поднял ее руку и припал к ней губами. – Милая моя, так не забудете?

Она, улыбаясь, покачала головой.

– Вот что, – проговорил Николай Семенович, – у меня есть медальон, который я с детства всегда ношу на себе. Это единственная дорогая мне вещь; возьмите его и, если только... если случится, что вы изменитесь ко мне, отдайте его мне назад...

Он быстро расстегнул две пуговицы своего мундира, достал с груди медальон, висевший у него на цепочке, снял его и подал Наде. Она спрятала медальон и проговорила:

– Никогда я не отдам вам его, теперь вы мой! Сами будете назад спрашивать – не отдам!

В это время грянула музыка, молодые люди вздрогнули: они задержались слишком долго. Музыка означала, что полонез уже тронулся из дома по направлению к столу и беседе.

– Ничего, мы проберемся как-нибудь, – сказал молодой адъютант Наде, – и станем в задние пары.

И они убежали из беседки.

Кулугин стоял возле графа сам не свой: лица на нем не

было.

– Вы слышали? – спросил он. – Несомненно, она любит его.

– Ничего нет несомненного на свете. Сомневаться всегда и во всем можно. Сколько подобных слов говорилось с тех пор, как существует мир, и затем они не оправдывались... Но вот что: вы видели медальон, который он дал ей?

– Видел.

– Этот медальон, во что бы то ни стало, я должен получить.

– Вы, граф?

– Да. Мне нужен медальон князя Бессменного во что бы то ни стало!

– Как, вы даже знаете и его имя?

– Не в этом дело; я вам говорю, что мне нужен этот медальон. Если хотите моей помощи – вот вам условие: достаньте медальон. Только торопитесь, потому что я могу и без вас обойтись и медальон легко может попасть в мои руки помимо вашей помощи... Торопитесь!

С этими словами граф Феникс поклонился Кулугину и спокойно направился опять окольной дорожкой, чтобы присоединиться к гостям, шедшим уже из дома в размеренном темпе под плавные звуки полонеза.

Объяснение

Оказалось, напрасно ждали светлейшего Потемкина, – он не приехал, прислав сказать, что не будет. Елагин поморщился, узнав эту новость. Он был слишком видный человек, но Потемкин давно привык не церемониться, когда впадал в находившую на него временами без всякой видимой внешней причины хандру. Обыкновенно он уходил в таких случаях к себе в спальню или запирался у себя в кабинете, сидел безвыходно целыми неделями, запуская бороду, не носил парика и не чистил ногтей. К Елагину он еще прислал нарочного, что не будет, а к другим просто не являлся, заставляя ждать напрасно и хозяина, и гостей.

Елагин сделал вид, что вполне удовлетворен вежливостью светлейшего, и просил гостей идти к столу, стараясь показать всем, что отсутствие Потемкина ничуть не должно помешать общему веселью. Но все-таки это происшествие расстроило расположение духа многих, чаявших повертеться на глазах у человека, от которого многое могло зависеть для них.

Вследствие этого явилась вялость. Однако она продержалась недолго. Когда застучали ложки о тарелки и стаканы наполнились вином, общество под звуки разудалой песни, которую грянул хор, сменив музыкантов, быстро оживилось; завязался разговор, потом он стал громче, слышался смех, и ко второму уже блюду обед вышел хоть куда.

Надя сидела рядом с Бессменным, робела слегка, но искренне наслаждалась, принимая участие в обеде с настоящими гостями, то есть с людьми мало знакомыми ей. Это было ее первое появление в свете.

Кулугин следил за ними издали, мало пил и ел и был мрачен и неразговорчив. Граф Феникс сидел среди почетных гостей, вблизи хозяина, и вел не спеша рассказ об Индии с такими подробностями, как будто сам жил там долгое время. Он говорил о факирах, которые доходят до того, что впадают в совершенно особенный сон, ничем не отличимый от смерти. В таком состоянии их зарывают в землю на довольно продолжительное время, а затем отрывают, дают несколько капель эликсира, и пролежавший под землею, похороненный и отрытый факир приходит в себя и становится затем опять вполне здоровым и нормальным человеком.

– А вы знаете, граф, в Петербурге у нас появился индус, – обратился Елагин к графу Фениксу. – Я все хочу призвать его как-нибудь к себе... Очень интересно.

– Среди них есть много шарлатанов, – ответил граф. – В особенности этим разъезжающим по Европе я не доверяю... А впрочем, может быть, он и знает что-нибудь...

– Но вы, граф, наверное, знаете много, – вдруг обратилась к нему сидевшая рядом полная дама не первой уже молодости, – я думаю, вы знаете все... и настоящее, и будущее...

– И вас это удивляет? – спросил Феникс.

– Знать будущее! – воскликнула дама. – Разве это не уди-

вительно?

– В сущности, не более прошедшего...

– Ну, прошедшее знать немудрено!

– Даже, например, хотя бы то, что происходило в Риме?

– Да ведь это в книгах написано!

– И будущее в книгах тоже написано, и по ним так же легко читать о грядущем, как и о прошлом. Вся разница в том, что читать о будущем умеют немногие, а о прошлом – доступно большинству.

– И вы... вы, наверно, умеете?

– Может быть.

Сидевшие вокруг графа притихли, слушая, что говорит он; затем водворилась тишина и за всем столом. Всем было интересно послушать Феникса, говорившего не совсем обыкновенные вещи.

Граф, чувствуя общее внимание на себе, несколько не смутился, видимо, давно привыкнув к такому вниманию.

Вызвавшая его на разговор барыня, очень довольная, что отчасти и она замечена, стала смелее.

– Ну, а если мы усомнимся в вашем уменье читать будущее, граф? – проговорила она, играя веером.

– Я вас разuverять не буду.

– Однако... Я думала, вы дадите другой ответ – предложите показать свое искусство...

– Если вам угодно – я не отказываюсь.

– Тогда скажите...

– В самом деле, – сказал Елагин Фениксу, – скажите, граф, как вы думаете, что ожидает вот самую юную нашу собеседницу? – показал он на Надю. – Кстати, сегодня ее первое появление в свете...

Надя вдруг смутилась и густо покраснела под этим общим, обращенным на нее взглядом. Граф прищурился слегка и с расстановкой произнес:

– Ей надо в будущем беречь свой медальон!..

Надя, никак не ожидавшая этих слов, тихо ахнула и закрыла лицо руками... Ей показалось, что она лишается чувств. Неожиданность поразила ее.

Все заметили, хотя, разумеется, не могли понять причину того, что с Надей при словах графа произошло что-то особенное и что эти слова имели для нее значение, которое она тщательно скрывала от других и о чем, по-видимому, знал граф Феникс, впервые видевший в глаза девушку. И все почувствовали нечто вроде благоговейного удивления перед ним и перед его всеведением и проникновением в чужую душу.

В самом деле, вышло как будто сверхъестественно, что Феникс сразу отгадал чужую тайну. Никто не знал, какой именно медальон был у Нади и почему он важен для нее, но каждый видел, что сделалось с нею, и с некоторым страхом глядел на графа: а вдруг как ему известно тоже, что и у всех остальных на душе?

Один только Бессменный отнесся совсем иначе к Феник-

су. Он видел и понял одно лишь, что граф смутил на глазах гостей его Надю, ни в чем не повинную, и счел это дерзостью.

– Ради Бога, не выдавайте себя! – быстро сказал он ей, чтобы она очнулась.

Девушка сделала над собой усилие и оправилась.

Бессменный видел, какого труда ей стоило сделать это, и почувствовал непримиримую ненависть к дерзкому, по его мнению, графу, который стал его врагом с этой минуты. Он хотел сейчас же громко ответить Фениксу, что, в свою очередь, тоже и ему может предсказать будущее, что он разmozжит ему голову, если он осмелится еще раз, но, разумеется, удержался, подавив свою злобу и решив все-таки не оставлять этого дела так и переговорить с графом после обеда. Но, когда встали из-за стола, граф Феникс был так тесно окружен любопытными, ловившими уже каждое его слово, что пробраться к нему не было никакой возможности. Да и Елагин все время не отпускал от себя интересного гостя и нянчился с ним.

Переговорить с графом наедине сейчас же Бессменному не удалось. К тому же ему пришлось участвовать в начавшихся после обеда танцах, и он не отходил от Нади. Но когда стали разъезжаться и граф Феникс вышел на крыльцо, к которому подкатила его белая карета, то столкнулся лицом к лицу с князем Бессменным.

– Я желал бы переговорить с вами, граф, – смело остановил тот Феникса.

Последний как бы удивленно поглядел на него, потом кивнул головою:

– Всегда к вашим услугам, князь!

Бессменный был настолько взволнован, что, забыв назвать себя, не заметил, что Феникс титуловал его князем и показывал этим, что знает его.

– Я хочу говорить с вами сейчас.

– Здесь, у подъезда, мы разговаривать конечно не можем, но, если вам угодно, милости просим, войдемте в карету, – и граф показал на отворенную лакеем дверцу кареты, у которой другой лакей откинул подножку и остановился в ожидании.

Бессменный вскочил в карету; за ним вошел Феникс, и тяжелая карета закачалась на своих высоких стоячих рессорах.

– Я с вами хотел переговорить относительно медальона, – начал Бессменный.

– Я так и знал, – сказал Феникс.

– Тем лучше. Я хотел сказать вам, что если вы случайно подслушали или увидели, как я сегодня передал медальон, то не имели права пользоваться этим, чтобы смущать девушку.

При этих более чем определенных словах Феникс даже с любопытством поглядел на Бессменного.

– Почему же вы думаете, что я подслушал или подглядел? – спросил он.

– Потому что иначе вы не могли узнать. В сверхъестественное я не верю, а иным, естественным, путем вы не мог-

ли узнать, как только подглядеть.

– В сверхъестественное я тоже не верю, – сказал Феникс, – но почему вы думаете, что знать что-нибудь можно, только увидев или услышав?

– Потому что другого способа я не знаю.

– Но это еще не значит, что его нет.

– Для меня его нет, если я его не знаю.

– Вот это другое дело. А для меня он есть, потому что я его знаю.

– Все равно, граф, не будем спорить о словах! Каким бы способом вы не узнали о медальоне, вы не могли упоминать о нем так, при всех, за обедом...

– Если я упомянул, значит, мог.

– То есть не имели права.

– Опять вы неточны. Право – очень условное понятие. В праве всегда есть что-то принудительное. Оно должно основываться на силе, которая поддерживает его и наказывает его нарушение. А если этой силы нет, нет наказания за нарушение, то право перестает быть правом.

– Но в данном случае, могу вас уверить, есть сила, которая готова поддержать это право.

– Есть сила, неужели? Где же она?

– Я – эта сила и готов вам доказать это.

– Не понимаю. Ведь для этого вам нужно быть сильнее меня.

– Для этого мне нужно быть только дворянином, – прого-

ворил Бессменный, – там посмотрим, кто окажется сильнее.

– Вы хотите драться со мной на дуэли? – спокойно спросил Феникс.

– Неужели вы сомневаетесь в этом после того, что я сказал вам?

– Но это едва ли будет проявлением силы, способным подержать какое-нибудь право с вашей стороны. Я могу оказаться сильнее вас, владея оружием лучше.

– Посмотрим!

– Хотите сейчас, может быть? – и граф, дернув шнур, проведенный на козлы к кучеру, остановил карету.

Они вышли на небольшую полянку, окруженную деревьями и защищенную от дороги зеленью.

Граф Феникс шел впереди, Бессменный следовал за ним, ожидая, что будет дальше. Феникс приблизился к одному из деревьев, обнажил шпагу и легко и свободно, словно играя, стал делать выпад за выпадом, причем острый конец его шпаги равномерно касался древесной коры и в симметричных промежутках оставлял на ней резкие черты, расположенные фигурой ровного круга. Круг вышел почти математически правильным.

– Вы видите, я умею владеть шпагой! – сказал Феникс, сделав последний удар.

Бессменный поклонился ему, как бы выразив этим поклоном свое полное согласие и одобрение, стал на его место и тоже вынул из ножен свою шпагу. Он встал в позицию и так

же проворно начал делать выпады, без промаха попадая на сделанные графом черты, перекрещивая их. Когда весь круг был перекрещен, Бессменный опустил свое оружие и проговорил:

– Вы видите, граф, что и я умею владеть шпагой.

– Отлично, князь! Теперь посмотрим пистолеты, – и Феникс ударил три раза особенным образом в ладони.

С дороги, от кареты, сейчас же появился один из лакеев в белой ливрее. Он нес два заряженных пистолета, Феникс взял один из них, отошел, прицелился, выстрелил и попал в самый центр сделанного на дереве круга.

Выстрел был очень труден и необыкновенно удачен. Нужно было иметь превосходно развитую меткость глаза, чтобы сделать такой выстрел.

Бессменный, в свою очередь, взял у лакея другой пистолет и начал целиться. Раздался выстрел.

– Отлично, князь! – повторил Феникс. – Вы такой же прекрасный стрелок, как и фехтовальщик.

Бессменный всадил свою пулю в пулю графа, засевшую в дереве. Сделано это было чисто.

– И притом, – добавил граф, – надо сказать, что вы стреляли из совершенно неизвестного для вас пистолета, который вы держали в руках впервые. Победа этого опыта всецело за вами. Я признаю себя слабее вас.

– И отказываетесь от дуэли? – спросил князь, у которого злоба еще кипела внутри.

– Нет, от дуэли я не отказываюсь... но надеюсь только, что она не помешает нам все-таки продолжать путь вместе. Я взялся доставить вас до города. Другого экипажа, кроме моей кареты, вы не встретите здесь. Поедем дальше, князь.

Бессменный опять сел в карету Феникса. Идти пешком в парадном мундире не представлялось возможным.

– Нет, я не отказываюсь от дуэли, – повторил Феникс, – и должен предупредить вас, что знаю наверняка, что убит не буду.

– Отчего вы знаете это?

– Потому что мне известно мое будущее.

– Вы уверены в этом и считаете дуэль для себя вполне безопасной?

– Вполне. Но не думайте, что я только поэтому принимаю ее. Если бы мне предстояла смерть от вашей шпаги или пистолета, я, может быть, еще с большей охотой дрался бы с вами.

– Неужели? Поверить трудно! Кому охота идти на верную смерть?

– Тому, кто должен ждать себе гораздо более ужасной смерти. Быть убитым на дуэли – пустяки в сравнении с тем, что предстоит мне в конце жизни.

– И вы знаете, когда наступит этот конец?

– Приблизительно. Он наступит, может быть, очень скоро. В чем он будет состоять – не знаю, но только он будет очень мучителен.

– И вы говорите об этом так спокойно?

– Я говорю так спокойно именно потому, что знаю будущее, и мое беспокойство окажется совершенно напрасным. Я им не изменю ничего.

– Хорошо. Беспокойство окажется напрасным, но если вы знаете будущее, то имеете возможность предотвратить его?

– Может быть, имею...

– И можете изменить свою судьбу!

– Да.

– Отчего же вы этого не сделаете?

– Не хочу.

Бессменный, помолчав, проговорил:

– Итак, вы полагаете, что на нашей дуэли буду убит я?

– Я не сказал этого, – ответил Феникс. – Разве всякая дуэль непременно должна кончиться смертным случаем? Нам нет никакой причины драться непременно насмерть. Мы оба можем остаться целы и невредимы или отделаться пустой царапиной.

– Но вы-то говорите, что уверены, что останетесь целы?

– Да.

– Ну а я?

– О вас я не знаю, потому что не имел случая узнать, что предстоит вам.

– А вы можете это сделать?

– То есть показать вам ваше будущее? Могу! Если вы сделаете мне честь подняться ко мне, когда мы приедем, я по-

кажу вам, что ждет вас.

Бессменный был уверен, что этот окруживший себя странностями и таинственностью граф Феникс хотел только запугать его своим разговором. Сначала он, видимо, желал смутить его, показав, что он – опытный дуэлянт, превосходно владеющий шпагой и пистолетом. Но, когда Бессменный, в свою очередь, доказал ему, что и он умеет держать в руках оружие, тогда таинственный граф решил запугать его своим странным разговором, что-де знает наверняка, что не будет убит. И само предложение графа показать будущее Бессменный истолковал в том же смысле. Он предполагал заранее, что в этом будущем окажется, что он, Бессменный, будет убит рукою графа. Так тот покажет ему, чтобы смутить его.

Но Николай Семенович был не из робких и не из доверчивых. В могущество и всеведение графа он просто не верил и смотрел на предложение Феникса, как на комедию, которую тот предпринял, впрочем, совершенно тщетно. И, чтобы доказать именно эту тщетность, он согласился подняться к графу.

«Пусть показывает что хочет, – думал он, – все-таки я заставлю его драться со мной, а тогда посмотрим, кто кого на самом деле».

Они вошли по устланной ковром лестнице, миновали переднюю со скелетами и стали проходить одну за другой комнаты, убранство которых было полно вкуса и великолепия. Граф шел впереди и указывал дорогу.

– Будьте добры, князь, пожалуйста сюда! – проговорил он наконец, отворяя дверь, отделанную под шелковые обои, которыми были обтянуты стены.

Они вступили в квадратный зал без окон. Огромная лампа, закрытая колпаком из голубой тафты, спускалась с потолка и разливала ровный матовый полусвет, очень приятный для глаз. Огромный турецкий диван занимал одну из стен. Против него, на противоположной стене, было вделано огромное зеркало, мутно и слабо отражавшее предметы. Оно было густо-черное, в золотой раме. Перед зеркалом и возле дивана дымились курильницы. Дым их сильно пах тонкими духами. Было душно.

– Оставайтесь здесь, – сказал граф Феникс, – когда будет время, я приду за вами.

И не успел Бессменный ответить ему, как он исчез за дверью, быстро затворив ее за собой.

Обои на стенах состояли из мелких рубчиков, и в них исчезли щели двери так, что Бессменный напрасно стал искать ее признаки. Захлопнувшаяся за Фениксом потайная дверь была настолько искусно сделана, что найти ее было невозможно.

Бессменный очутился в темном зале, казавшемся вовсе без выхода. Дым курильниц действовал одуряюще, но тем не менее был очень приятен.

«Во всяком случае, интересно, что будет дальше?..» – рассудил Бессменный и решил терпеливо ждать.

Голова его уже слегка кружилась и в теле чувствовалась истома, как после бокала хорошего вина. Он опустился на диван. Пуховые подушки были мягки, и князь словно утонул в них.

«Да это дым курильниц так действует, – слабо соображал он. – Конечно! В черном зеркале, должно быть, я увижу свое будущее; ну что же, это фокус какой-нибудь... Вероятно, фокус, и я увижу себя распростертым на земле, мертвым, после дуэли, – этот граф хочет запугать меня... Пускай, а я не испугаюсь. Мне очень удобно лежать. И отлично...»

Ему вспомнились вдруг старые рассказы о том, что существуют отравленные свечи, цветы и духи. Но это было мельком. Глаза его сомкнулись, но не закрылись вовсе. Он впал в полудремоту, он все видел – и зеркало, и лампу, и диван, и рубчатые обои, и дымившиеся курильницы, только двигаться ему было лень и казалось очень хорошо лежать на мягких подушках дивана.

И вдруг черное зеркало мало-помалу начало освещаться, становиться прозрачным, делаться все светлее и светлее. Все ближе и ближе подходило оно к цветку голубого абажура и наконец стало совсем сапфировым.

На этом сапфировом фоне Бессменный различил контуры женской фигуры. Он приподнялся даже, облокотись на руку. Это была Надя, не призрачная, не отраженная или нарисованная, но совсем живая, движущаяся. Она протягивала к нему свои руки и ясно говорила: «Муж мой!..» Бессменный

рванулся вперед, но бессильно упал на подушки дивана, и полное забытие охватило его.

Когда Бессменный очнулся, он лежал в другой уже комнате с открытыми окнами, через которые лился свежий воздух. Граф Феникс стоял, наклонившись над ним.

– Очнулись? – проговорил он. – Не беспокойтесь, никаких последствий ваше забытие не оставит, я не отравил вас.

Бессменный охотно поверил этому, потому что чувствовал себя превосходно. Голова у него была вполне свежа, тело ощущало полную силу и бодрость. Открыв глаза, он быстро поднялся и сел.

– Что это было? – спросил он.

– Вы видели что-нибудь в зеркале?

– Да. И так ясно, так отчетливо...

– Что-нибудь неприятное?

– Напротив.

– Значит, вам в будущем предстоит хорошее!

Бессменный улыбнулся, и его глазам снова представилась Надя, говорившая ему: «Муж мой». Выходило, что в будущем он женится на ней, то есть достигнет того, к чему теперь были направлены все его помыслы. Это было вовсе не то, что ожидал он.

– А вы не знаете, вам неизвестно, что я видел в зеркале? – спросил он опять графа.

– Меня не было с вами; откуда же я могу знать?

– Ну, мало ли откуда! Во всяком случае, я видел, что буду

счастлив!

– Ну, вот видите! И для вас дуэль вполне безопасна.

– Позвольте, – остановил его Бессменный, – но для этого надо верить... в зеркало.

– А вы не верите?

Бессменный в душе очень желал верить, потому что то, что ему было показано в зеркале, было очень хорошо, но ему не хотелось слишком скоро поддаваться, и он искренне ответил:

– Не знаю, граф. Вы, признаюсь, смутили меня. Я думал, что вы покажете мне нечто более страшное.

– С какой же целью?

– Чтобы запугать меня.

– Неужели вы считаете меня настолько мелочным и, прямо скажу, глупым? И потом я решительно ничего не показывал вам. То, что явилось в зеркале, вы увидели сами, без всякой помощи с моей стороны...

Бессменный задумался. Действительно, он видел Надю, как живую. Для того чтобы это был фокус, нужно было привести ее сюда. Конечно, это было невозможно. Уверение графа, что он тут – сторона, казалось, похоже на правду. Но в таком случае надо поверить, а если поверить, то надо признать также, что и граф останется цел после дуэли, так как он стоит на этом твердо, а тогда дуэль между ними – нелепость.

В этих соображениях Бессменный запутался.

Правда, и настроение его успело уже измениться. Образ

милой и любимой Нади, который он только что видел, обещавший ему в будущем счастье, заставил его забыть свою вспышку против графа и настроил его миролюбиво и любовно. Но вместе с тем, как было пойти назад, когда вызов был уже сделан?

– А я все-таки желаю с вами драться! – проговорил наконец Бессменный.

– Я к вашим услугам, – ответил граф, – как вам будет угодно...

Кутра-Рари

От Феникса Бессменный отправился домой, опять воспользовавшись каретой графа.

Странный выдался для него сегодня день. Объяснение с Надей, потом не совсем обыкновенный разговор с этим таинственным графом, потом видение, или неизвестно, в сущности что, в зеркале. Но, очевидно, необычайность была исчерпана не до конца. По крайней мере, дома Бессменного ждала новая неожиданность.

– Уф, и устал же я! – проговорил он, входя к себе и сбрасывая плащ на руки денщику. – Дай, братец, мне кваску напиться или хоть просто воды.

– Тут ждут вас, – доложил денщик.

– Из своих кто-нибудь? Кто такой?

– Азиат... как следует: в чалме и пестром халате.

– Что же ему надобно?

– Это он, говорит, только вам скажет.

– По-русски он понимает, значит?

– Где ему! Не очень, а все-таки объяснил, что дело к вам имеет.

– Как же он это объяснил тебе?

– Знаком... вот этим самым... – и денщик, вынув из кармана золотой, показал его Бессменному.

Знак был недурен и действительно весьма понятен и убе-

дителен для денщика.

– Дурак же ты! – усмехнулся Бессменный. – Ведь этак нас обчистить могут. Ты пускаешь чужих людей за золотой, а он унесет на сто.

– Ну, это дудки! Впустить-то я его впустил за золотой, а не выпустил бы до вашего прихода ни за какие деньги. Так как же он унес бы что-нибудь?

Бессменный направился в приемную. Ему было интересно посмотреть на азиата в чалме и пестром халате, который платит по золотому простому денщику.

В те времена в Петербурге сплошь и рядом можно было встретить на улицах азиатов в их национальных костюмах. Среди них были богатые купцы и ничего не имевшие шарлатаны и искатели счастья и приключений, молодые и старые. Приезжали кавказцы, бухарцы, персы, появлялись жители далекой Индии.

Бессменного в его приемной ждал чистокровный индус, красивый старик с необыкновенно правильными, гордыми чертами лица и темно-коричневой бронзовой кожей. Редкая седая борода не портила его. Из-под нависших бровей глядели живые, пронизательные черные глаза. Красный шелковый платок обвязывал его голову очень картинно, пестрый индийский халат был опоясан великолепной шалью.

Когда вошел Бессменный, индус встал и поклонился ему. Благообразный вид старика внушал полное доверие. Князь ответил на поклон и показал рукой, что просит гостя сесть.

– Мой князь, позвольте мне назвать себя, – проговорил индус на французском языке. – Меня зовут Кутра-Рари; я родом индус и чужестранец в России...

– Будьте гостем! – ответил Бессменный. – На нашей родине знают гостеприимство и рады чужеземцам. Петрушка, – крикнул он денщику, – давай нам трубки и чаю!

Кутра-Рари спокойно и с достоинством уселся в кресло и сложил на животе руки.

– Вы давно в Петербурге? – обратился к нему Бессменный.

– Я очень давно в русской столице и приехал сюда, чтобы повидать вас...

– Повидать меня? – удивился князь. – Вы приехали из Индии, чтобы повидать меня?

– Верьте мне, что я не лгу, когда говорю, что предпринял долгое путешествие, чтобы увидеть вас, – уверенно произнес индус, не сводя своих черных глаз с Бессменного.

Петрушка принес трубки и чай.

От табака Кутра-Рари отказался, но чай взял с любезной улыбкой, отпил глоток и откусил кусок хлеба. По восточному обычаю он показывал этим, что явился как друг, так как на Востоке человек не должен таить вражду против того, с кем делил хлеб-соль.

– Но разве в Индии знают меня? – усмехнулся Бессменный.

– Мало ли что знают в Индии! – ответил тот. – Но я лгать

не хочу. В Индии я не знал о вас...

– И приехали все-таки ко мне? Как же это? Чем это вызвано?

– В Индии я знал только, что в русской столице есть одна вещь, очень ценная для меня, да, впрочем, и для всякого, кто знает ей цену. Только ради нее предпринял я путешествие. Когда же я приехал сюда, то весьма скоро узнал, что эта вещь находится у вас.

– Вот оно что! – сообразил Бессменный. – Однако чудно, что я владею такой вещью, о которой известно так далеко. Что же, вы хотите купить ее у меня?

– Если бы я хотел купить, разве я сказал бы вам цену вещи и то, что я ради нее приехал из Индии? Напротив, я скрыл бы это от вас, чтобы она досталась мне как можно дешевле. Нет, не купить я приехал к вам, а только сказать, чтобы вы ни за что не продавали ее, не отдавали никому, берегли пуще глаза.

– Что же это за вещь?

– Медальон ваш, у вас есть медальон...

Опять дело шло о медальоне, который Бессменный передал сегодня Наде. О существовании этого медальона знал каким-то образом граф Феникс, а теперь оказывается, что явившемуся из-за тридевять земель индусу он тоже известен. Князь в окончательном недоумении развел руками.

– Я тут ничего понять не могу, – сказал он серьезно. – Каким образом мой медальон был известен вам в Индии?

– Разве люди, живущие в Индии, лишены возможности общаться с теми, кто живет в Европе?

– Правда. Сообщения существуют.

– И такие даже, о которых вы и понятия не имеете. Но не в этом дело. Мне нужно видеть ваш медальон.

– К сожалению, я не могу исполнить вашу просьбу... У меня нет больше моего медальона.

– Вы его отдали?

– Да.

– Кому, кому вы его отдали?

Бессменный ответил не сразу. С какой стати посвящать чужого человека в свои личные дела, зачем он будет рассказывать, кому и как отдал свой медальон?

– Не все ли вам равно? – проговорил он. – Вам достаточно того, я думаю, что медальона у меня больше нет.

Индус поднял руки и остановился как пораженный.

В поисках медальона

Кулугин решил действовать энергично, чтобы возможно скорее исполнить требование графа и достать для него медальон, переданный Наде Бессменным. Ему казалось, что сделать это не особенно трудно: стоит разыскать горничную Нади, пообещать ей хорошее вознаграждение – и медальон будет в его руках.

В те времена молодые люди часто входили в заговор с прислужницами хорошеньких светских барышень, передавая через них записки или устраивая какие-нибудь сюрпризы, носившие название «фантов». Этот путь был слишком обыкновенным, и потому, когда Кулугин обратился к одному из лакеев Елагина с просьбой вызвать к нему в сад горничную молодой барышни, тот нисколько не удивился и заявил, что это «вполне возможно». Он отвел Кулугина поближе к дому, в группу кустов сирени, и сказал, чтобы он подождал тут. Кулугин сунул ему в руку рубль.

Горничная не заставила себя ждать. Она выбежала, кутаясь в голубой платочек и несколько деланно конфузясь. Впрочем, ей было немножко поистине боязно, так как «авантюра» происходила в первый раз и впервые ей приходилось участвовать в ней. Горничная была такая же молоденькая, как и ее госпожа, и очень хорошенькая, с быстрыми черными глазками и ямочками возле губ.

– Ишь ты, какая востроглазая! – усмехнулся Кулугин, взглянув на нее. – Тебя как зовут?

– Дуняшей.

– Ну, вот что, Дуняша, у меня дело к тебе есть...

– Вестимо дело, без дела я не вышла бы к вам.

– Значит, смекаешь, в чем суть?

– Разумеется! Все это понять мы можем, потому промеж молодых господ всегда авантюры бывают.

– Ну, вот, вот... Я вижу, ты умница... Так вот видишь ли, Дуняша, мне нужно, чтобы ты... помогла мне один фант устроить.

– Какой фант?

– Очень интересный. Потом смешно будет. А пока ты должна мне достать для этого у барышни медальон.

– Какой медальон?

– А тот, что она получила сегодня от князя Бессменного. Он теперь при ней. Так вот, достань мне этот медальон!

– Зачем же он вам?

– Говорю тебе – для шутки, для фанта.

Дуняша задумалась.

– Нет! Вот ежели записку передать, так это я могу. А как же вдруг так – медальон?

– Да вот так. Ты его возьмешь потихоньку и передашь мне. А там уж не твоя печаль. Только умей держать язык за зубами.

– Да разве так делают?

– Ну, конечно, делают! Нешто я стал бы тебя подговаривать на что дурное? Будь этот медальон твоей госпожи – другое дело, а тут ей дал его князь Бессменный, такой же, как я. Значит, чего же тебе беспокоиться? – и, говоря это, Кулугин сунул в руку девушки две золотых монеты.

Дуняша, казалось, была побеждена в своем сомнении не столько доводами Кулугина, сколько «приложением», которое сопровождало эти доводы.

– Только ежели что, – проговорила она, – так уж вы меня не выдавайте, чтобы мне как-нибудь отвечать не пришлось.

– Ну конечно! – с уверенностью протянул Кулугин. – Так смотри же, чтобы он, медальон, был у тебя завтра же, а я пришло к тебе верного человека. Ты ему отдашь.

– Слушаю-с.

На этом они расстались.

Дуня, вернувшись к себе в комнату, остановилась в сильном беспокойстве. Только теперь заметила она, как сильно билось ее сердце. Золотые она держала зажатыми в кулаке; расставаться с ними ей не хотелось, но и выполнить поручение тоже было жутко. А вдруг этот медальон ценный! Если так, безделушка малостоящая, тогда еще ничего, но если это дорогая вещь?

«Посоветоваться бы с кем-нибудь...» – раздумывала она, но посоветоваться ей было решительно не с кем.

Между тем князь Бессменный после своего свидания с Кутра-Рари проснулся довольно поздно. На службу ему не

надо было идти – утро выдалось свободное.

Вчерашний день вспомнился ему, как сон. То ему казалось, что все, происходившее вчера, случилось очень давно, и он даже сомневался, случилось ли оно, – так было фантастично; то, наоборот, он ясно, как будто снова переживал все, видел перед собой Надю в садовой беседке, сидел с нею за обедом, ехал с Фениксом в карете, дышал ароматным дымом курильниц, и опять Надя протягивала к нему руки и говорила: «Муж мой!..» Потом образы сливались, исчезали в неясной дымке, и вырисовывалась фигура старого индуса с поднятыми к небу руками и лицом, выражавшим ужас, как это было, когда он узнал, что медальона больше нет у Бессменного.

– Что вы сделали, что вы сделали? – повторил старик, уходя. – Постарайтесь во что бы то ни стало вернуть эту вещь.

– Вернуть? – ответил ему Бессменный. – Никогда! Никогда я не пожелаю, чтобы мне вернули этот медальон, какая бы ни была цена его.

Он помнил, что сказал Наде, что если она разлюбит его, то пусть возвратит медальон. Ее любовь казалась ему дороже всего на свете, и он не мог желать получить от нее обратно вещь, данную как бы в залог этой любви.

– Вы не знаете, что говорите! – попытался было возразить индус, но Бессменный не слушал его.

И потом, не все ли равно, у кого собственно находился в руках медальон, если Надя любит его и он любит ее, и все у

них одно, потому что они, любя друг друга, тоже составляют одно?

Однако внезапное появление индуса не могло не задеть любопытства Бессменного. В чем могла заключаться особенная ценность медальона? Вещь казалась самой обыкновенной по внешнему виду, а внутри был вставлен миниатюрный портрет деда князя, почтенного старца в парике петровского времени. Этот портрет, конечно, не мог представлять интереса для жителя Индии.

Бессменный решил, что поедет к Наде, во-первых, для того, чтобы поделиться с ней впечатлениями и рассказать, что случилось с ним вчера, во-вторых, чтобы разглядеть хорошенько медальон, и в-третьих, и это было главное, чтобы повидаться с Надей, поговорить с ней, услышать ее голос. Он велел оседлать себе лошадь и верхом отправился на острова, во дворец Елагина.

По дороге надо было еще заехать к товарищу, чтобы тот сговорился с кем-нибудь и отправился к Фениксу для переговоров об условиях дуэли.

Впрочем, это дело менее всего беспокоило Бессменного, и он завернул к жившему по пути товарищу Цветинскому и сказал ему, что должен драться с графом Фениксом. Долгих разговоров не потребовалось: Цветинский обещал, что сделает все, что нужно, и съедется с Бессменным к обеду в трактире на Миллионной, чтобы сообщить, где и когда назначено сойтись с противником.

Покончив с этим, Бессменный вскочил на лошадь и пустил ее крупной рысью.

На мосту через Неву ему встретился Кулугин, тоже верхом. Тот ехал с островов. Они раскланялись. В конце пути Бессменный нагнал карету и узнал в ней экипаж Елагина. Князь подъехал к крыльцу вместе с каретой и слез с лошади как раз в тот момент, когда дверца кареты отворилась, и Елагин во всех регалиях и орденах показался на подножке. Он ласково кивнул Бессменному и проговорил:

– Здравствуйте, князь! А я прямо из дворца сейчас. Милости просим... Прикажете доложить о себе Наде. Она примет вас, а меня извините. Мне надо переоблачиться.

Бессменный, конечно, нисколько не был в претензии на такое распоряжение. Но Елагин, прежде чем оставить его, еще раз извинился и как бы вдобавок этому извинению пояснил:

– А у меня тут еще должен сидеть интересный человек... Индус приехал? – обернулся он к лакею.

Тот сказал, что индус ждет в библиотеке.

– Вот, – сказал Елагин Бессменному, – это своего рода новинка в Петербурге, не уступит графу Фениксу; шума такого, как тот, не делает, но замечательная личность...

– Его зовут Кутра-Рари? – спросил Бессменный.

– А, и вы про него уже знаете? Ну, вот как-нибудь я вас познакомлю, а сегодня предварительно побеседую с ним один, чтобы узнать, действительно ли он таков, как говорят про

него. Так ступайте к Наде, она, вероятно, на террасе со своей мадамой.

Надя действительно была со своей «мадамой» – компаньонкой – на террасе.

Бессменный, войдя, церемонно расшаркался с дамами. Они привстали и присели ему.

Надя сидела за пяльцами и вышивала канителью по бархату. Мадам читала ей вслух по-французски похождения Телемаха. Чтение было скучное, работа в пяльцах – тоже занятие невеселое, и Надя, сидевшая с нахмуренным личиком, просияла вся при появлении князя. Он заметил эту осветившую все вокруг улыбку, заметил, как блеснули ее глаза, и видел также, как почти сейчас же потух ее взгляд и лицо снова омрачилось.

Заговорила мадам о погоде, о вчерашнем празднике и стала жаловаться на головную боль, мучившую ее. Бессменный отвечал, с недоумением поглядывая на Надю, которая ниже прежнего наклонилась над пяльцами и не принимала участия в разговоре.

– Что с вами? – наконец не вытерпев, обратился к ней князь, переходя на русский язык, непонятный для старой француженки.

Надя несколько испуганно взглянула на мадам, но та, по видимому, не нашла предосудительным вопрос Бессменного на русском языке и, как будто даже довольная, что может отдохнуть, закрыла глаза, приложив руку к виску.

Надя ответила тоже по-русски:

– Со мной случилась сегодня большая неприятность. Она касается вас тоже.

– Неприятность?.. Касается меня? – спросил Бессменный, уже совсем забыв о медальоне.

– Да, представьте себе, медальон, тот самый, вчерашний, пропал у меня.

– Как пропал? Неужели? А я ведь приехал к вам, чтобы рассказать, что со мной было вчера, и именно по поводу этого медальона. Да как же он пропал?

– Не знаю. Вчера вечером я положила его в свою шкатулку, сегодня утром хватилась – его там нет. Я все переискала, везде, – как в воду канул.

– Шкатулка была заперта?

– Нет. У меня никогда ничего не пропадало. Мне и в голову не могло прийти, что допустима пропажа. Кроме горничной Дуняши, ко мне никто не входил в комнату.

– Ну, а эту Дуняшу вы спрашивали?

– Конечно. И она ударилась в слезы и призналась...

– Значит, она взяла?

– Нет. Вчера ее подговаривал Кулугин, чтобы она потихоньку взяла у меня медальон и передала ему. Он уверял ее, что это для фанта...

– Для фанта! – поморщился Бессменный. – Хорош фант, нечего сказать!

– Ну, ведь он не мог знать, какой это медальон, а вероятно,

что-нибудь придумал, вроде фанта, основываясь на словах графа Феникса за обедом.

– То есть дерзости графа. Это была дерзость с его стороны, и он за нее ответит. Но что же Дуняша дальше сделала?

– Она долго не решалась, но потом рассудила, что такой барин, как Кулугин, не может сделать ничего дурного, и во всяком случае, если он не вернет медальона, она скажет мне обо всем...

– И она полезла в вашу шкатулку?

– Она пробралась ко мне в комнату на рассвете, открыла шкатулку, куда, как она видела, я положила с вечера медальон, но его уже в шкатулке не было. Дуня испугалась и убежала.

– А она не лжет?

– Она со слезами на глазах каялась, да и вообще, если бы она захотела лгать, то не стала бы ничего рассказывать... просто начала бы отнекиваться, что ничего не знает.

– Я встретил Кулугина, когда ехал сегодня к вам, – проговорил Бессменный.

Надя утвердительно кивнула головою.

– Он был здесь. Я знаю это. Он вызвал Луню через лакея. Она пришла ко мне, чтобы спросить, что ей ответить? Я послала сказать ему через лакея, что запретила Дуне брать медальон. Будь медальон у нее – она все-таки передала бы его Кулугину, а тут она все время оставалась в моей комнате, пока был Кулугин, и не пошла к нему. Нет, у нее медальона

не имеется; он пропал непостижимым образом.

– А вы знаете? Оказывается, что этот медальон имеет какую-то особенную ценность.

И Бессменный стал рассказывать Наде историю вчерашнего посещения индуса.

Француженка-мадам сидела глубоко в кресле, закинув голову на спинку, и ровно дышала. Глаза ее были закрыты. Кажалось, она спала.

– Боже мой, что же я наделала! – ужаснулась Надя, когда Бессменный кончил свой рассказ.

Она так заволновалась, что он пожалел, зачем усугубил ее беспокойство. Лучше было, пожалуй, ему не рассказывать.

– Ну, полноте! – заговорил он, стараясь утешить ее. – Ну, если даже этот медальон пропал безвозвратно, так что ж такого? Ведь для нас-то его эфемерная цена недорого. Именно эфемерная, потому что мы не знаем, в чем она заключается. Велико горе! А для меня, напротив, это служит предзнаменованием нашего счастья!

– Это каким образом? – удивилась Надя.

– Очень просто. Я сказал вам, чтобы вы вернули мне этот медальон, если разлюбите меня, ну, а теперь он пропал у вас, и, значит, вы не можете никогда вернуть мне его, потому что его нет у вас; значит, вы никогда не разлюбите.

Надя повеселела.

– Так вы на меня не сердитесь? – спросила она.

– Мне сердиться на вас? – воскликнул Бессменный. – За

что? Разве вы виноваты в чем-нибудь? Да если бы я даже знал истинную цену этому медальону – и тогда не жалел бы его. Что медальон! Весь мир пропади – лишь бы вы остались у меня, – и я буду счастлив.

Надя не скрывала своей радости.

– Надя, князь, – слышалось в это время сверху, – подите сюда!

Елагин, высунувшись из окна второго этажа, звал их.

– Вы зовете нас? – переспросил Бессменный.

– Да, да, идите сюда, – повторил Елагин, – ко мне в библиотеку, – и он отошел от окна.

– А он знает о пропаже медальона? – показал Бессменный на окно.

Надя сказала, что нет, потому что иначе ей пришлось бы объяснять, что это за медальон и откуда она получила его, а делать это она не хотела, не посоветовавшись с Бессменным.

– И прекрасно, – одобрил он, – и не рассказывайте! Пусть вся эта история останется между нами.

И ему показалось особенно приятным, что между ним и Надей существует теперь тайна.

– Не станем будить ее, – сказала Надя, глядя на спящую француженку, – пойдемте наверх, в библиотеку.

Наверху в библиотеке они нашли Елагина и индуса. Елагин ходил по комнате, Кутра-Рари сидел у стола и раскладывался с Бессменным, как; со знакомым.

– Я нарочно позвал вас, – заговорил Елагин, обращаясь к

Наде и Бессменному, – чтобы вы были свидетелями. Вы видите эти часы? – спросил он, показывая на большие стенные часы, стоявшие в ящике из карельской березы. – Вы видите: маятник их остановлен...

Огромный маятник часов с блестящим медным диском действительно висел совершенно неподвижно.

– Остановлен, – подтвердил, взглянув на маятник, Бессменный.

– Ну вот, значит, мне это не кажется, а на самом деле так, – подхватил Елагин. – А знаете, кто остановил его? И остановил, не прикасаясь руками, не отпирая дверцы часов, не сходя со своего места, одним пристальным взглядом?

Бессменный понял, что речь идет об индусе, и поглядел на Кутра-Рари. Тот спокойно сидел, как будто ничего особенного не случилось.

– Неужели это возможно? – недоверчиво улыбнулся князь.

– Я для этого и позвал вас, чтобы вы были свидетелями, – снова заговорил Елагин, – он обещает заставить маятник двигаться, так же, как остановил его. Смотрите!

Кутра-Рари в это время обернулся к часам, и его черные глаза уставились на маятник. Его лицо не изменилось, но преобразилось как-то, стало строгим, сосредоточенным. Однако особенных усилий или напряжения в нем не было заметно. Кутра-Рари глядел уверенно и пристально, вот и все.

Елагин остановился и притих, Бессменный и Надя затаи-

ли дыхание. Князь не спускал взора с маятника. Он видел, что маятник не шевелится, висит и часы стоят, и не верил в душе тому, что они пойдут.

Но вот ему показалось, как будто едва заметно еще маятник колеблется – чуть-чуть двинулся в сторону, потом в другую.

«Это всегда так кажется, – подумал Бессменный, – когда долго глядишь на что-нибудь, то начинает мерещиться движение. Если на грудь мертвого смотреть, то в конце концов покажется, что мертвый дышит».

Но, думая это, князь вместе с тем должен был через несколько секунд убедиться, что он ошибается. Едва уловимое сначала колебание маятника мало-помалу становилось яснее. Теперь уже не могло быть сомнения, что тяжелый маятник закачался. Размах его делался все сильнее и сильнее, послышался наконец мерный стук, отбиваемый им, и слепому стало бы понятно, что часы идут.

«Да стояли ли они?» – усомнился Бессменный и сейчас же остановил себя: он должен был признать, что часы действительно стояли, а теперь шли, и сделал это Кутра-Рари, не сходя со своего места.

На свете нет тайны

Бессменный вышел от Елагина вместе с индусом. У подъезда конюх держал в поводу его оседланную лошадь и стояла карета Елагина для Кутра-Рари, чтобы отвезти его в город.

– Может быть, мой князь желает, чтобы я довез его до Миллионной? – обернулся индус к Бессменному.

Тот приостановился.

– Почему же до Миллионной? – спросил он, отлично помня, что ни единым словом не обмолвился о том, куда ему нужно было ехать.

– Потому что там господина князя ждет обедать его товарищ, – ответил индус.

«И этот тоже хочет показать, что ему известно все! – пришло в голову Бессменному. – Вчера граф Феникс, сегодня индус... – Да этак жить станет невозможно, если про тебя все знать будут!»

– Я думаю, – продолжал между тем Кутра-Рари, – наша беседа с вами сегодня в карете будет более мирная, чем вчера у вас с графом Фениксом. Ведь меня вам нет причины вызывать на дуэль?

«Да он действительно как будто знает все, – удивился Бессменный. – Это становится интересным».

– Откуда вы знаете, что я ехал вчера с графом Фениксом? – прямо спросил он.

– Если вам угодно – я рад объяснить; пожалуйста со мной в карету.

Бессменный больше не колебался. Ему хотелось получить хоть какое-нибудь объяснение загадок и странностей, на которые он стал наткаться со вчерашнего дня. Положим, в доме Елагина, посвященного масона и члена разных тайных и явных мистических обществ, он видел много из ряда вон выходящего, но все это казалось пустяками сравнительно с тем, чему пришлось быть ему свидетелем вчера и сегодня. И он поручил елагинскому конюху, чтобы тот привел его лошадь домой, а сам не заставил индуса повторять приглашение и сел в карету.

Кутра-Рари как будто остался доволен таким его решением и, сев с ним рядом, заговорил:

– Вот видите, князь, вы, я знаю, не верите и не хотите верить ничему, что переходит границы вашего знания.

– Скажите вернее: понимания, – поправил князь.

– Ну, хорошо, понимания, я не хотел произносить это слово! Но неужели вы думаете, что раз вы что-нибудь не знаете или не понимаете, то этого не существует?

– Нет, я этого не думаю, но, как хотите, не могу верить ни во что сверхъестественное.

– И не верьте. Сверхъестественного, конечно, ничего не может существовать, так как если только оно существует, то уже не будет сверхъестественным.

– Позвольте, – остановил Бессменный индуса, – вот на-

пример, вчера граф Феникс, а сегодня вы показали мне, что вам известно то, что со мною было и что говорил я в тех или других обстоятельствах. Как вы могли узнать это? Или вам рассказал кто-нибудь, кто видел и слышал, или сами вы видели. Это – естественный путь, всякий же другой – сверхъестественный, и я ему не верю.

– Но вчера вас в карете никто ни подглядеть, ни подслушать не мог, – проговорил Кутра-Пари.

– Тогда вам рассказал граф Феникс.

– Едва ли граф Феникс стал бы рассказывать кому-нибудь о своем вчерашнем разговоре. Есть еще путь узнать то, что было, узнать посредством зрения и слуха, так как они передают человеку впечатления внешнего мира. Но для этого не нужно присутствовать самому при том, о чем хочешь узнать.

– Как же это так? – спросил Бессменный.

– Вы, вероятно, знаете, – начал индус после некоторого молчания, – что и звук, и свет передаются не непосредственно, но нужно известное время на передачу их. Свет отдаленных планет достигает Земли в течение десятков лет. Представьте себе теперь, что на этих планетах устроены столь сильные телескопы, что в них можно рассмотреть все, что делается на Земле. Допустите, что наблюдатель в такой телескоп смотрит в настоящую минуту на ту местность, по которой мы едем сейчас. Вы думаете, он видит нашу карету и дорогу, и все, что мы видим на ней? Нет, в настоящую минуту он может увидеть только то, что происходило в этой мест-

ности пятьдесят, сто лет назад, смотря по тому, насколько удалена от Земли планета, с которой он наблюдает, и сколько нужно времени свету, чтобы дойти от Земли до этой планеты. Отсюда вы видите, что есть возможность вполне естественным путем видеть, что происходило здесь десятки лет тому назад, значит, можно видеть и то, что происходило вчера.

– Но для этого нужно быть жителем другой планеты?

– Я вам говорю только о возможности простой и естественной, а что касается того, каким образом может воспользоваться ею житель не другой, а нашей планеты, то это составляет предмет особых знаний, и сообщить их вам я не могу.

Карета качалась на своих мягких рессорах. Бессменный поглядел искоса на старика Кутра-Рари, и этот азиат произвел на него впечатление совершенно иное, чем граф Феникс.

Граф был европеец в полном смысле слова, окруженный культурной роскошью, остроумный собеседник, смелый и ловкий человек, но с первого же взгляда Бессменный почувствовал к нему безотчетную антипатию и не желал верить ни единому его слову, как тот ни старался доказать свое могущество, уверяя в вероятности невероятного.

Кутра-Рари говорил тоже о невероятных вещах, но в его речах было сосредоточенное спокойствие убежденного знания, и, наконец, все, что он говорил, было последовательно и логично. Бессменный, по крайней мере, не находил возра-

жения.

– Значит, вы также готовы утверждать, – спросил он опять индуса, – что остановленный вами маятник был не фокус-покус, а вы, действительно, остановили его одним взглядом?

– Вы слышали о Месмере? – ответил вопросом Кутра-Рари. – Он, кажется, достаточно известен в Европе.

– Немножко слышал; он, говорят, показывает чудеса магнетизмом.

– Он пользуется – пока еще в очень ограниченных размерах – той силой, которой обладает каждый человек, если пожелает развить ее в себе. Называйте ее магнетизмом или иначе как-нибудь – это все равно, не в названии дело, а в том, что она существует.

– Да существует ли?

– Неужели вы думаете, что человек – не более чем соединение телесных органов, способствующих поддержанию его жизни и продолжению его рода? Ведь человек, кроме того, существо мыслящее и существо, которому открыто милосердие. Кроме человека – животного из тела и костей, существует человек разума и любви, который просвещает и жертвует собой для блага других. Вот вам элементарное проявление его духовных сил.

Кутра-Рари, чем больше говорил, становился симпатичнее Бессменному. В словах индуса было что-то хорошее, что подкупало, располагало и возбуждало, если не полную веру, то доверие.

– Позвольте, – стал рассуждать князь, – если вы в силах узнать все, что пожелаете, так вы можете, например, сказать мне, где теперь медальон, о котором вы меня вчера спрашивали?

– Вы передали этот медальон своей будущей невесте, воспитаннице господина Елагина.

– Вы знаете это? Ну, а дальше, дальше что случилось с ним?

– Дальше – не знаю.

– Но можете узнать?

– Могу.

– Дело в том, что он пропал сегодня ночью.

– Я так и ждал этого. Вы хотите знать, кто похитил медальон?

– Пожалуй хочу, хотя бы для того только, чтобы убедиться еще раз в ваших знаниях. Но сам медальон меня не очень интересует. Я и без него счастлив...

Кутра-Рари остановил Бессменного, коснувшись его руки.

– А вам, наверное, известно, в чем ваше счастье?

– Ну конечно! – уверенно произнес Бессменный.

– Так всегда рассуждает молодость, готовая слушаться только собственных порывов. Вы не знаете ценности вашего медальона и, закрыв глаза, махнули на него рукой, думая, что счастливы. Но счастье – условное понятие на Земле, и только мудрый понимает и знает, в чем оно заключается для него. Однако мудрый не закрывает глаз, не ослепляет себя,

но, напротив, усиливает свое зрение и обостряет его... у каждого человека, когда он начинает жить сознательно, в руках его счастье, как был в руках у вас ваш медальон; но немногие, слышите ли, очень немногие умудряются удержать его. Все духовное имеет свое выражение в материи: что наверху, то и внизу. И счастье человека выражается чем-нибудь материальным. Спросите любого, кто чувствует себя несчастным, и он непременно, если вспомнит хорошенько, скажет вам, что у него в начале жизни было в руках что-нибудь, что могло бы сделать его счастливым. Один теряет деньги, другой – какой-нибудь документ, третий – еще что-нибудь. Вы потеряли, или – хуже – сами отдали свой медальон. Теперь ищите его, ибо всякий человек, потерявший свое счастье при вступлении в сознательную жизнь, начинает искать его в этой жизни и ищет часто напрасно. Я вам желаю найти ваш медальон.

– А если я и искать его не буду?

– Будете.

– Посмотрим! Как хотите, я не могу признать, чтобы мое счастье зависело от какой бы то ни было вещи, медальона или чего-нибудь вроде него. Ведь это было бы слишком мелко и ничтожно.

– Медальон тут не более как символ, внешнее выражение внутреннего смысла. Отдавая его, вы потеряли вместе с ним нечто другое, духовное.

– Что же именно?

– А вот ту силу, которая может заставить и маятник остановиться.

Бессменный почувствовал, что или его мысли мешаются, или то, что говорят ему, несуразно, как бред умалишенного.

– Позвольте, – проговорил он, – каким образом я, отдав медальон, мог лишиться какой-то духовной силы? Какая же тут связь?

– Вы отдали медальон любимой девушке? Ведь вы любите ее страстно, не правда ли?

– Да, да...

– Вот эта страсть, которая охватила вас и во имя которой вы отдали свой медальон, и парализовала вашу силу.

– Ну и бог с ней! – решил Бессменный.

Кутра-Рари улыбнулся только.

– Мы, кажется, приехали, – сказал он, – карета остановилась.

Они были на Миллионной, у подъезда трактира, где должен был ждать Бессменного его товарищ Цветинский.

Опять Кутра-Рари

Цветинский любил поест, и Бессменный застал его за заказом обеда, объясняющим повару, как делать «черный соус» к сигу.

– Ну, что, был ты у графа Феникса? – спросил его Бессменный.

– Был, был, все сделано. Ты что предпочитаешь – цыпленка со стручками или телятину под бешамелью?

– Когда же драться будем?

– Завтра утром. Так, если тебе все равно, тогда цыпленка. Сделай ты нам цыпленка, – обернулся Цветинский к повару, – понимаешь, под белым соусом и со стручками... На жаркое я велел зажарить поросенка, – сказал он князю.

Бессменный сел и задумался.

– Ты что киснешь? – спросил вдруг Цветинский, отпустив наконец повара и перенося свое внимание на разговор с Бессменным.

Боязнь, что товарищ мог принять его задумчивость за выражение угнетенного настроения перед дуэлью, заставила князя покраснеть.

– Я сейчас, – поспешил пояснить он, – ехал в карете от Елагина с новым Фениксом своего рода, со стариком-индусом Кутра-Рари, и он мне наговорил разных вещей, я и задумался о них.

– Кутра-Рари? Знаю! – подхватил Цветинский, принимаясь за семгу, принесенную, для закуски. – Я только что познакомился с ним у графа Феникса.

– То есть... что ты называешь «только что»?

– А вот сейчас, перед обедом, когда я был по твоему делу у графа.

– Постой, братец, ты говори толком, оставь на минуту семгу.

– Нет, семги я не оставлю, потому что она бархатная, отличная семга, а говорю тебе толком, что познакомился сейчас с господином Кутра-Рари, или как он там называется, только что вот, у графа Феникса.

– Да, ведь с Кутра-Рари я только что сидел у Елагина, и потом, говорю тебе, он довез меня сюда в карете.

– Я видел в окно, что ты подъехал с ним. Но он уехал от Феникса раньше меня, а я остался, чтобы условиться о дуэли. Где же вы встретились?

– Да у Елагина же. Он там провел сегодня все утро.

На этот раз Цветинский оставил семгу и глянул, разинув рот, на Бессменного.

– Да ты, может быть, его в зеркале видел? – спросил тот.

– В каком зеркале?

– У графа Феникса есть такое черное зеркало.

– В каком там зеркале! Когда я приехал, индус сидел у Феникса и разговаривал с ним. Граф познакомил нас. Мы поговорили немного, потом индус встал и уехал.

– О чем же вы говорили?

– А я его спросил, как делают одно индийское блюдо: «кэ-ри» оно называется, отварной рис с разными приправами; я слышал о нем, но никогда не едал, так мне было любопытно.

– И он объяснил?

– Объяснил...

– Странные вещи! Как же я его видел у Елагина и прямо приехал с ним оттуда в карете?

– А ты не врешь?

– Да ведь ты сам видел, и карета была елагинская.

– Видел, правда, но истинная правда и то, что я с ним у графа Феникса разговаривал.

– Значит, в Петербурге теперь два Кутра-Рари, – решил князь.

– Очевидно, – согласился Цветинский. – Ну, за их здоровье! – добавил он, протягивая рюмку.

Бессменный чокнулся с ним.

– Благодарю вас, господа! – раздался возле них голос старика-индуса.

Они оба вздрогнули и оглянулись.

Кутра-Рари в своей чалме и халате подходил к их столику.

– Еще раз здравствуйте! – поклонился он Цветинскому. – Позвольте, князь, присесть к вам? – спросил он, обращаясь к Бессменному.

– Милости просим! Но каким образом вы здесь?

– Самым обыкновенным – я вошел вслед за вами.

– А мне казалось, что вы уехали.

– Вам это только показалось. Я вошел за вами, и вы этого не заметили.

– Так это, по-видимому, твой индус? – сказал по-русски Цветинский. – Как же он со мной кланялся, как со знакомым?

– Ну что, научили вы здешнего повара, как делают кэри? – обратился Кутра-Рари к Цветинскому.

– Позвольте, – заговорил тот, переходя на французский язык, – разве я имел честь с вами познакомиться сегодня у графа Феникса?

– Ну да, со мной, и спрашивали меня о кэри и о том, какие напитки пьют в Индии и введен ли там лед в употребление.

– Действительно, я спрашивал и про лед, и про напитки, – подтвердил Цветинский Бессменному. – Хорошо! Значит, мы с вами были у графа Феникса. Так как же вы могли приехать от господина Елагина вместе с князем? Это непонятно.

– А между тем я приехал от господина Елагина вместе с князем, и по дороге мы разговаривали о вещах непонятных, которым князь не верит, потому что они непонятны ему.

– Но, по крайней мере, объясните, как вы могли в одно и то же время быть в разных местах?

– Мои объяснения не помогут до тех пор, пока вы сами не поймете того, что непонятно вам теперь.

– Но как же мы этого достигнем?

– Путем работы над собой.

– А с чего же надо начать эту работу?

– Хотя бы с того, что научиться владеть всем собой и победить в себе всякую страсть – будь это страсть к любимой девушке или просто к тому, чтобы хорошо и плотно покушать.

– Вы хотите, кажется, посадить меня на диету? – спросил Цветинский. – Нет, тогда я вам прямо скажу: «Увольте!», тогда я не желаю понимать непонятное. Я предпочитаю добрый кусок и стакан хорошего вина всем отвлеченностям, да и вы, вероятно, не откажетесь разделить с нами наш обед. Могу вас уверить – он будет недурен... Я сейчас велю вам подать прибор...

– Благодарю вас, – ответил Кутра-Рари, – я никогда не обедаю.

– Неужели обходитесь только завтраком и ужином?

– И не завтракаю, и не ужинаю.

– Так вы лишаете себя смысла жизни!

– Разве смысл жизни в еде?

– Ну конечно! – рассмеялся Цветинский. – Посмотрите, какие нам щи принесли – наварные, ароматные! Какая тут философия устоит против них!..

– А вы тоже того же мнения, что смысл жизни в еде? – спросил Кутра-Рари у Бессменного.

– Нет, я вовсе не разделяю этого мнения, – проговорил

тот, невольно усмехнувшись. – Но мне хочется есть. Я проголодался с утра.

– Тогда пойдете ко мне.

– Как «пойдете ко мне», когда он голоден и щи стоят на столе? – перебил Цветинский. – Нет, уж сегодня пусть он ест обед моего заказа, а в другой раз пойдет к вам обедать, если вы брезгуете нашим хлебом-солью.

– Я не зову князя обедать к себе, – пояснил Кутра-Рари, – потому что я, как сказал вам, не обедаю; напротив, то, что я хочу показать ему у себя, не имеет ничего общего с едой. Я желал бы только, чтобы князь доказал на деле свои слова, что для него еда не имеет важного значения.

– Можно не придавать ей значения, но следует есть, когда хочется, – стал возражать Цветинский, – князь может идти к вам после обеда... Кушай, брат, щи отличные!..

Он налил до краев тарелку щей и передал ее Бессменному.

– Князь, – проговорил Кутра-Рари, – оставьте еду и пойдете ко мне!

– Это тоже символ? – спросил Бессменный.

– Да, и символ, и вместе с тем необходимость. Сытый желудок мешает ясности зрения.

– А вы далеко живете?

– Здесь, в номерах при этом трактире, наверху.

Странное дело, но то обстоятельство, что индус жил здесь же, где они назначили свидание с Цветинским, показалось Бессменному почему-то наиболее удивительным из всего

необычайного, что случилось с ним вчера и сегодня. Положим, трактир был из лучших, но они легко могли выбрать и другой, а между тем выбрали именно этот, и оказалось, что ему с индусом нужно было ехать в одно и то же место.

– Пойдемте! – вдруг, вставая, сказал Бессменный, неожиданно решившись.

Кутра-Рари встал, поклонился и повел его.

– Да вы с ума сошли! – воскликнул им вслед Цветинский. – На что же это похоже – голодному человеку от обеда не евши вставать! Поистине чудеса в решете!

Но Бессменный не слушал его.

Над трактиром были номера, считавшиеся из самых дорогих в то время в Петербурге, что не мешало им быть довольно-таки скромными. Однако длинный коридор, куда выходили двери комнат, содержался чисто, только запах лампового масла чувствовался в нем.

Номера, которые занимал Кутра-Рари, были в конце коридора, несколько удаленные от других.

– Милости прошу, – пригласил индус, отворяя дверь, – вот я здесь живу.

Комната, куда вошел Бессменный, оказалась самой обыкновенной. Но стены ее были выкрашены заново клеевой краской, белый деревянный пол был начисто выскребен, подоконники и переплеты рам тщательно вымыты, на мебель надеты свежевывстиранные чехлы. Все было необычайно опрятно, но более чем просто. Все лишнее, все, что так

или иначе обыкновенно способствует украшению, было удалено: ни зеркала, ни картин на стенах, ни драпировок.

Кутра-Рари провел Бессменного в другую комнату, ничем не отличавшуюся от первой. Та же опрятность и больше ничего.

– Я вам говорил, мой князь, – начал Кутра-Рари, усадив гостя, – что могу узнать, где ваш медальон теперь. Хотите сами видеть это?

– Как вам будет угодно! – согласился Бессменный. – Как же вы мне это покажете? В зеркало?

– В черное зеркало, как граф Феникс? – усмехнулся Кутра-Рари. – Нет, у меня не существует никакого зеркала. – Он встал, говоря это, подошел к столу, на котором стояла небольшая шкатулка черного дерева с перламутровыми инкрустациями, и вынул из нее хрустальный шар, гладко отшлифованный. – Возьмите этот шар, князь, думайте о медальоне и смотрите на свет сквозь хрусталь!

Правдивое видение

– «Думайте о медальоне!» – сказал Кутра-Рари. Дался ему этот медальон! – подумал Бессменный, и, как только сосредоточился, мысли его остановились невольно не на медальоне, а на той, которой он отдал его.

«А что, если бы Надя увидела меня сейчас, как я сижу и смотрю в этот шар? – пришло ему в голову. – Не показалось бы ей это глупым?.. А где-то она теперь и что делает?!»

Прозрачный хрусталь шара блестел на свету и играл, преломляя лучи. Глазу неловко было смотреть в него, но почти сейчас же Бессменный стал различать в хрустале что-то вырисовавшееся в ней, сначала туманно, потом яснее и яснее.

И он увидел Надю. Она стояла перед Елагиным и плакала. Они прощались, он благословлял ее.

– Вы видите что-нибудь? – спросил Кутра-Рари, стоявший за спиной Бессменного.

– Вижу! – ответил тот.

Надя с Елагиным вышли на крыльцо. Их сопровождал благообразный старик, почтительно шедший за ними. Карета подъехала к крыльцу, лакей вынес два небольших баула и положил в карету. Судя по жестам Елагина, он успокаивал и утешал Надю, говорил, что так, мол, и нужно, что тут ничего поделывать нельзя. Она села в карету, с ней рядом поместился старик, дверца захлопнулась, и карета покатилась.

– Надя уехала! – проговорил вслух Бессменный.

– Вы, значит, о ней думали, а не о том, о чем я говорил вам, – ответил ему Кутра-Рари.

В хрустале все смешалось, подернулось молочной дымкой, затем она растаяла, и хрусталь стал опять прозрачно-светлым, режущим глаз. Бессменный опустил шар.

– Что я видел? – обернулся он к Кутра-Рари. – Что это? Прошрое, настоящее, будущее или просто ничего не значащий бред?

– Вы должны были видеть настоящее, – ответил индус.

– То есть то, что происходило в ту минуту, когда я смотрел?

– Да.

– Так куда же она уехала?

Кутра-Рари пожал плечами.

– Я этого не знаю.

– Да не может быть!.. Ей некуда уезжать... с баулами... с каким-то стариком... просталась с Елагиным... Не может быть! Я ее только что видел, она бы сказала мне... Я не верю вашему хрусталу...

Индус молчал.

– Хотя я там так ясно видел, – начал снова говорить Бессменный, – так ясно, как вчера в черном зеркале!.. Знаете что? Я готов сейчас отправиться опять на Остров и проверить.

– Проверьте! – сказал Кутра-Рари.

– Конечно, я так и сделаю. Можно послать за ямской каретой? Впрочем, я сам пошлю снизу. Мне все равно надо сказать два слова Цветинскому, – и, простившись с Кутра-Рари, Бессменный спустился вниз, послал слугу за каретой, а сам зашел в общий зал, где Цветинский трудился над сигом в черном масле.

– Что, брат, голод не тетка? – встретил тот его. – Ну, брат, не пеняй, от сига одни кости остались, я почти весь съел. Отлично он его приготовил.

Бессменный махнул рукой.

– Не до сигов мне теперь! Мне нужно сейчас ехать. Я зашел только, чтобы спросить тебя, как будет завтра утром: ты заедешь за мной или я должен отправиться к тебе, чтобы ехать на место дуэли?

– Заезжай ты ко мне.

– Драться будем на пистолетах?

– На пистолетах! – с трудом выговорил Цветинский, прожевывая кусок.

– Ну, до свиданья!

Пришли сказать, что карета подана, и Бессменный чуть ли не бегом выбежал из комнаты.

Всю дорогу гнал он кучера, то обещая на водку, то говоря, что он его в гроб заколотит. Переезд казался ему бесконечным, но, по мере приближения к Острову он начинал мало-помалу успокаиваться.

«Нет, – решил он, когда елагинский дворец был уже виден

издали, – некуда ей уезжать, и все это – вздор и пустяки; вот я сейчас приеду и увижу ее. И отличный предлог у меня, чтобы приехать во второй раз сегодня: расскажу Елагину про фокус индуса, и он увидит, что это – вздор и маятник тоже был вздор».

Но когда князь поднимался по ступеням подъезда, сердце его все-таки сильно билось.

– Господин Елагин дома? – спросил он гайдуков, дежуривших в вестибюле.

– Никого не принимают! – почтительно, но твердо ответил старший.

– А барышня?

– Барышня уехали.

Бессменный почувствовал, как кровь отливает у него от щек и руки холодеют.

– Куда? – проговорил он.

– Не знаем-с.

– Да как? Надолго уехала или, может быть, просто в гости?

– Похоже, что не в гости, потому что с баулами и поклажей.

– С кем же уехала она?

– Незнакомый господин, старик, приехали, вызвали старшего камердинера, тот провел их прямо к барину, они поговорили, потом уехали с барышней.

Виденное Бессменным в хрустале оказалось не обманом. Все подтвердилось именно так, как видел он в хрустале.

Князь стоял некоторое время в раздумье, а затем, вдруг решившись, приказал:

– Доложите обо мне!

– Не приказано беспокоить! – пояснил один из гайдуков, наиболее смелый.

Бессменный стал настаивать.

– Я вам говорю, что доложите. Мне надо видеться немедленно, по важному делу. Доложите! Я на себя беру ответственность.

– Кабы не строгий приказ, – все-таки колебался один из слуг.

– Разве старшего камердинера позвать? – догадался другой.

– Ну, зовите старшего!

Явился старший камердинер. Бессменный долго толковал ему, что ручается, что барин не рассердится и примет его. Старший долго раздумывал, наконец кивнул головой.

– Хорошо-с, я доложу! – произнес он и отправился докладывать.

Бессменный, сильно волнуясь, стал ходить по вестибюлю в ожидании. Он знал, что Елагин падок на все таинственное, и не сомневался, что рассказ о Кутра-Рари и его хрустале заинтересует его настолько, что он простит, что его побеспокоили. Если же так, то он узнает, зачем и куда уехала Надя?

Старший вернулся и со строгим лицом доложил, что «просят».

Бессменный пошел наверх, в кабинет к Елагину. Тот сидел за письменным столом, в шлафроке, нахмуренный, сильно не в духе.

– Мне ни до кого сегодня, – встретил он князя, – и я принимаю вас лишь по настоящей вашей просьбе. У вас важное, говорите, дело?

– По-моему, из ряда вон выходящее, – заговорил Бессменный. – Надежда Александровна уехала?

Елагин поглядел на князя, нахмурился и отвернулся. Должно быть, он был сильно расстроен. Бессменный всегда, во всех случаях видал его изысканно вежливым и учтивым, и теперь то, что он не ответил на вопрос, было для Елагина почти грубостью.

– Дело в том, – поспешил заговорить Бессменный, – что я видел ее отъезд на далеком расстоянии. Кутра-Рари показал мне его. Это было удивительно. Я не хотел верить, приехал сюда нарочно и вдруг узнаю, что она действительно уехала! Я побеспокоил вас, чтобы рассказать вам и засвидетельствовать о таком случае, который, по-моему, гораздо значительнее, чем остановленный индусом маятник.

Елагин, видимо, смягчился, как бы поверив тому, что Бессменный явился к нему не ради своего личного дела, но вследствие того лишь, что был поражен необычайностью случившегося с ним.

– Так вы говорите, – переспросил он, – что Кутра-Рари показал вам отъезд Нади? Каким же образом?

Князю вместо ответа хотелось закидать Елагина вопросами о том, куда уехала Надя, зачем, почему так внезапно и надолго ли? Но он должен был сдержаться и ответить только:

– Он показал мне в хрустальном шаре, и я увидел в нем всю сцену отъезда.

– В хрустале! – повторил Елагин. – Я знаю об этом способе. Во Франции для той же цели берут стакан с водою, но это все равно... Ну, ничего нового вы мне не сообщили! Но все-таки это интересно.

– Кроме того, в эти два дня, вчера и сегодня, благодаря встрече с графом Фениксом и Кутра-Рари мне пришлось быть свидетелем еще многих странностей, – проговорил Бесменный и принялся рассказывать Елагину обо всем, что произошло с ним со вчерашнего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.